

ВОЕННЫЙ РОМАНЪ.

71

II.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ. (*)

Разсматривая произведенія писателей, изображавшихъ военный бытъ и вообще военныя сцены, нельзя не замѣтить, что между ними довольно рѣзко выдѣляются два различныя направленія: одни стараются выставлять все въ свѣтломъ видѣ, выбирая для своихъ рассказовъ героевъ изъ военнаго быта, нерѣдко даже такихъ, какихъ трудно, почти невозможно встрѣтить на дѣлѣ; герои эти говорятъ самымъ отборнымъ языкомъ, дѣлаютъ чудеса, отличаются необыкновенными качествами душевными и физическими. Подобнаго рода писатели чаще всего встрѣчаются во французской и нѣмецкой литературѣ; попадались они и у насъ въ тридцатыхъ годахъ, когда въ полной силѣ было увлеченіе произведеніями Марлинскаго. Наиболѣе же замѣчается это направленіе у французовъ, которымъ оно видимо нравится и до сихъ поръ Альфредъ де-Виньи не чуждъ отчасти такого направленія.

Совершенно иными представляются произведенія писателей другаго рода, тѣхъ, которые, не гоняясь за вычурностію и эффектами, стараются только вѣрнѣе списывать съ природы картины, ничего не прикрашивая и ничего не скрывая. Къ числу этого рода писателей слѣдуетъ отнести современныхъ намъ

(*) Въ современной литературѣ два писателя этой фамилии: одинъ, графъ Левъ Николаевичъ, произведеніямъ котораго посвящена настоящая статья, другой графъ Алексѣй Константиновичъ, извѣстный многими стихотвореніями, а особенно имѣвшими большой успѣхъ: романомъ „Князь Серебряный“ и драмою „Смерть Іоанна Грознаго“.

русскихъ авторовъ, очерчивавшихъ сцены военнаго быта, и во главѣ ихъ даровитаго графа Л. Н. Толстаго.

Въ послѣднее время появилось еще новое направленіе, которое пока имѣетъ весьма мало послѣдователей; оно прямо противоположно писателямъ перваго рода: какъ первые преувеличиваютъ всѣ доблести и качества военныхъ, стараясь всюду отыскивать неувѣроятныхъ героевъ, такъ послѣдователи новой школы, напротивъ, стараются выискивать въ военномъ быту противоположные типы, чтобы возможно рельефнѣе выставить всѣ ужасы войны и всю тягость нынѣшнихъ военныхъ системъ для современнаго общества. Къ послѣдователямъ этой новѣйшей школы принадлежатъ, скорѣе даже могутъ назваться и основателями ея, французскіе писатели Эркманъ и Шатрианъ, которымъ мы намѣрены посвятить одинъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Очевидно, которое изъ этихъ трехъ направленій должно возбуждать наибольшее сочувствіе и представители котораго могутъ рассчитывать на наибольшее вліяніе на общество. Писатели, такъ сказать, героическихъ повѣствованій и противоположной имъ по направленію новѣйшей школы представляютъ крайности, въ которыхъ слишкомъ рѣзко проявляется тенденціозность достигнуть извѣстной цѣли; этому желанію приносится все въ жертву: и истина и естественность; нарушая ту и другую, одни желаютъ возможно болѣе поднять значеніе военнаго сословія, облагородить его, поставить его на пьедесталъ; другіе же хотятъ, напротивъ, внушить почти отвращеніе къ войнѣ, какъ къ безчеловѣчной бойнѣ и къ самому военному званію, какъ къ несовѣстному съ успѣхами современной цивилизаціи. Быть можетъ, отчасти и тѣ и другіе достигаютъ своей цѣли, но развѣ только относительно отдѣльных личностей; масса же читателей произведеній этого рода не можетъ увлечься ими, замѣчая въ нихъ натяжки, неестественность, а главное отсутствіе истины.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ писатели той категоріи, во главѣ которой мы поставили графа Л. Н. Толстаго; они не гонятся за эффектами, но всегда на первомъ планѣ ставятъ истину и вѣрность того, что изображаютъ; рѣдко даже они вдаются въ тонкій анализъ значенія того или другаго типа или чувства, а только описываютъ ихъ со всей подробностію, и предоставляютъ на волю читателя дѣлать ка-

не-угодно выводы. Естественно, что подобный методъ изображенія военнаго быта наиболее достоверенъ, что она можетъ сильнѣе дѣйствовать на читателя потому, что представляетъ картины, въ дѣйствительности которыхъ нельзя усомниться.

Графъ Л. Н. Толстой, какъ мы уже сказали, можетъ быть смѣло поставленъ во главѣ писателей этой категоріи. Истина, какова бы она ни была, девизъ этого даровитаго писателя. Произведенія свои онъ самъ превосходно характеризуетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ „Севастополь въ маѣ 1855 года“. Мастерски изобразивъ положеніе защитниковъ Севастополя, очертивъ художественно и вѣрно разныхъ личностей, поставленныхъ въ различныя положенія, онъ въ заключеніе своего разсказа говоритъ:

„Вотъ я и сказала, что хотѣлъ сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолеваетъ меня. Можетъ, не надо было говорить этого; можетъ быть то, что я сказала, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таея въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

„Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны.

„Ни Калугинъ, съ своей блестящей храбростію — *brave homme de gentilhomme* — и тщеславіемъ, двигателемъ всѣхъ поступковъ, ни Праскухинъ, пустой, безвредный человекъ, хотя и павшій на браги за вѣру, престолъ и отечество, ни Михайловъ съ своей застѣчивостію, ни Пестъ, ребенокъ безъ твердыхъ убѣжденій и правилъ—не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти.

„Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда.“

Слова эти могутъ быть примѣнены почти во всѣмъ безъ исключенія произведеніямъ графа Толстаго. Въ нихъ обыкновенно нѣтъ героевъ и злодѣевъ; въ основѣ ихъ не лежитъ никакой интриги, нѣтъ никакой запутанности дѣйствій; это все картины съ натуры, списанныя съ безукоризненною правдивостію и живостію, возстановляющія передъ глазами читателя и полные очерки дѣйствующихъ лицъ и всю ихъ обста-

новку. Таковъ характеръ всѣхъ повѣстей графа Толстаго, какъ описывающихъ сцены военной жизни, такъ и тѣхъ, которыя не имѣютъ отношенія къ военному быту.

Первое мѣсто между произведеніями графа Л. Н. Толстаго безспорно занимаютъ его повѣсти: „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“, появившіяся сперва въ „Современникѣ“, а потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ въ 1856 г. Въ томъ же году вышли отдѣльною книжкою „Военные рассказы“: „Набѣгъ“ (рассказъ волонтера), „Рубка лѣса“ (рассказъ юнкера) и три превосходныхъ очерка Севастополя въ декабрь 1854, въ маѣ и въ августѣ 1855 года.

Этихъ однихъ произведеній достаточно было бы, чтобы упрочить за авторомъ громкую извѣстность; но послѣ того появилось еще нѣсколько произведеній графа Толстаго, и въ томъ числѣ большая повѣсть „Казакъ“, которую однако нельзя не признать значительно слабѣе всѣхъ другихъ твореній того же автора (*). Наконецъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1865 и 1866 г., напечатанъ романъ: „1805 годъ“, который послужилъ началомъ самаго капитальнаго произведенія автора, романа „Война и Миръ“, появившагося недавно и еще неконченнаго. Это новое произведеніе, изображающее богатую событіями эпоху съ 1805 по 1812 г., принадлежитъ въ числу замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы и показываетъ, что талантъ графа Толстаго достигъ полноты своего развитія.

Намѣреваясь посвятить, когда окончится изданіе этого романа, особую ему статью, остановимся на нѣкоторыхъ изъ прежнихъ твореній графа Толстаго и преимущественно на тѣхъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ военнаго быта.

Произведенія этого послѣдняго рода почти исключительно заимствованы изъ событій кавказской войны, обороны Севастополя и войнъ наполеоновскаго періода, то есть изъ такихъ эпохъ, когда военная жизнь получаетъ полное свое развитіе, когда самыя личности военнотружениковъ какъ бы освѣщаются полнымъ свѣтомъ, когда каждая черта военныхъ типовъ выказывается рельефнѣе. Здѣсь является просторъ наблюдательности автора, отъ которой не ускользаетъ ни одна сколько-нибудь характеристичная черта; цѣлая картина ложится на бума-

(*) Всѣ эти сочиненія графа Л. Н. Толстаго, кромѣ его романа „Война и Миръ“, изданы въ 1864 году въ двухъ томахъ, въ С.-Петербургѣ, г. О. Стелловскимъ.

гу, и вы встрѣчаете наглядное изображеніе того, что неоднократно видѣли, что, быть можетъ, испытывали и сами; здѣсь нѣтъ никакихъ отборныхъ сторонъ, исключительныхъ личностей: все ваши старые знакомые, сослуживцы, съ которыми вамъ неоднократно приходилось бывать въ столкновеніяхъ. Притомъ, изображая эти личности, графъ Толстой не утруждаетъ читателя длинными описаніями характера и наружности своихъ героевъ; точно также и картины природы, сцены военного быта, различные положенія лицъ не очерчиваются подробными до утомленія разсказами. Для всего этого у автора есть своя особенная, лично ему принадлежащая манера описанія: нѣсколько мѣткихъ, но выразительныхъ словъ, сжато, но необыкновенно ясно очерчиваютъ личность или извѣстное положеніе. Въ особенности это качество автора развилось въ послѣднихъ его прозаическихъ произведеніяхъ; въ первыхъ же военныхъ разсказахъ описанія иногда длинноваты. Авторъ какъ бы боится, что выставляемая имъ личность недостаточно будетъ имъ выяснена нѣсколькими чертами, а потому и старается разъяснять эти черты, выказывать ихъ значеніе при разныхъ положеніяхъ описываемой личности. Это замѣтно въ его кавказскихъ разсказахъ „Набѣгъ“ и „Рубка лѣса“. И здѣсь есть личности, обрисованныя кратко, сжато, съ свойственною графу Толстому манерою; но большинство лицъ обрисовано въ болѣе обширной повѣствовательной формѣ. Такъ, напримѣръ, въ названныхъ двухъ разсказахъ выведены личности двухъ кавказскихъ ротныхъ командировъ, капитана Тросенко и капитана Хлопова; оба имѣютъ много общаго, хотя и сохраняютъ свою индивидуальность; очерчены же ихъ характеры различно. Личность капитана Тросенко обрисована слѣдующими рѣзкими чертами: „Капитанъ Тросенко былъ старый кавказецъ, въ полномъ значеніи этого слова, то есть человѣкъ, для котораго рота, которую онъ командовалъ, сдѣлалась семействомъ, крѣпость, гдѣ былъ штабъ—родиной, а пѣсенники—единственными удовольствіями жизни, человѣкъ, для котораго все, что не было Кавказъ, было достойно презрѣнія да и почти недостойно вѣроятія. Все же, что было Кавказъ, раздѣлялось на двѣ половины: нашу и не нашу; первую онъ любилъ, вторую ненавидѣлъ всѣми силами своей души, и главное, онъ былъ человѣкъ закаленной, спокойной храбрости, рѣдной доброты въ отношеніи къ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ и отчаянной прямоты и даже дер-

зости въ отношеніи къ ненавистнымъ для него почему-то адъютантамъ и бонжурамъ“.

Въ этихъ немногихъ словахъ мѣтко очерчена полная личность въ разсказѣ „Рубка лѣса“. Совершенно такая же личность и капитана Хлопова въ разсказѣ „Набѣгъ“; но, очерчивая ее, авторъ владеетъ въ значительно большія подробности разныхъ сторонъ этого типа. И для Хлопова Кавказъ замѣняетъ родину, хотя у него есть мать и сестра въ Россіи, то есть въ губерніяхъ некавказскихъ; роднымъ онъ пишетъ рѣдко, развѣ развѣ въ годъ, когда посылаетъ матери деньги, удѣляя ей часть своего жалованья. Доброты онъ также необыкновенной къ товарищамъ и подчиненнымъ, но точно также не спуститъ ничего штабному лицу, особенно какому-нибудь адъютанту или бонжуру, къ которымъ всадѣ, не на одномъ только Кавказѣ, строевые вообще крайне нерасположены и не стараются даже скрывать своего нерасположенія. Относительно храбрости и Хлоповъ и Тросенко представляютъ типы спокойнаго, несуетливаго мужества, полнѣйшаго хладнокровія въ самыя тяжкія минуты; они оба до того проникнуты этимъ чувствомъ, такъ оно усвоено ими, что даже не понимаютъ, чтобы могло быть иначе.

Обрисовывая личность капитана Хлопова въ разсказѣ „Набѣгъ“, графъ Толстой выставилъ именно въ этой личности образчикъ той спокойной, хладнокровной храбрости, которая такъ часто встрѣчается въ нашихъ войскахъ и почти можетъ быть названа принадлежностію чисто-русскаго характера. Очень вѣрно опредѣляетъ авторъ этого рода храбрость въ разсказѣ „Рубка лѣса“:

„Духъ русскаго солдата“, говоритъ онъ, „не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоровоспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ; его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить унять духомъ. Для него не нужны эффекты, рѣчи, воинственные крики, пѣсни и барабаны: для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутого. Въ русскомъ, настоящемъ русскомъ солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, укорства, желанія отуманиться, разгорячиться вовремя опасности: напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляютъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго

только о пробитомъ новомъ полушубкѣ, въдоваго, вылъзающаго изъ-подъ убитой подъ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобы снять сѣдло“.

Этого-то рода храбрость авторъ и олицетворилъ въ капитанѣ Хлоповѣ, главнымъ лицѣ въ разсказѣ „Набѣгъ“. Содержаніе разсказа очень просто.

Отрядъ собирается въ крѣпости и ночью идетъ въ экспедицію, чтобы разрушить непокорный аулъ; сдѣлавъ свое дѣло, отрядъ возвращается и, при отступленіи, горцы насѣдаютъ на аріергардъ, въ которомъ находится капитанъ Хлоповъ.

Весь разсказъ авторъ ведетъ отъ своего имени, какъ-бы участвуя волонтеромъ въ ротѣ капитана Хлопова, и прежде всего обрисовываетъ, какое понятіе сложилось у самого капитана о храбрости. По его понятіямъ, не тотъ храбръ, кто суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ, а *тотъ, который ведетъ себя какъ слѣдуетъ*.

„Я вспомнилъ“—говоритъ авторъ, выслушавъ это опредѣленіе капитана—„что Платонъ опредѣляетъ храбрость *знаніемъ того, чего нужно и чего не нужно бояться*, и, несмотря на общность и неясность выраженія въ опредѣленіи капитана, я подумалъ, что основная мысль обоихъ не такъ различна, какъ могло бы показаться, и что даже опредѣленіе капитана вѣрнѣе опредѣленія греческаго философа, потому что если бы онъ могъ выражаться такъ же, какъ Платонъ, онъ, вѣрно, сказалъ бы, что храбръ тотъ, кто боится только того, *чего слѣдуетъ бояться*, а не того, *чего не нужно бояться*.“

„Мнѣ хотѣлось“—продолжаетъ авторъ—„объяснить свою мысль капитану.

— „Да—сказалъ я—мнѣ кажется, что въ каждой опасности есть выборъ, и выборъ сдѣланный подъ вліяніемъ, на примѣръ, чувства долга, есть храбрость, а выборъ, сдѣланный подъ вліяніемъ низкаго чувства—трусость: поэтому человѣка, который изъ тщеславія, или изъ любопытства, или изъ алчности рискуетъ жизнью, нельзя назвать храбрымъ, и, наоборотъ, человѣка, который, подъ вліяніемъ честнаго чувства семейной обязанности или просто убѣжденія, откажется отъ опасности, нельзя назвать трусомъ.“

Разсужденія эти оказались непонятными для капитана, которому, конечно, никогда и въ голову не приходило анализировать что такое храбрость, отчего она зависитъ и почему самъ

онъ храбрѣ. Въ немъ храбрость была естественнымъ явленіемъ, до того естественнымъ, что онъ самъ не замѣчалъ этого.

Посмотримъ же теперь, каковъ капитанъ Хлоповъ въ трудномъ дѣлѣ отступленія, при настойчивомъ преслѣдованіи горцевъ. Вотъ разсказъ автора:

„Генералъ (командовавшій отрядомъ) съ конницею поѣхалъ впередъ. Баталіонъ, съ которымъ я шелъ изъ крѣпости N, остался въ арьергардѣ. Роты капитана Хлопова и поручика Розенкранца отступали вѣстѣ.

„Предсказаніе капитана вполнѣ оправдалось: какъ только мы вступили въ узкій перевѣсокъ, про который онъ говорилъ, съ обѣихъ сторонъ стали безпрестанно мелькать конные и пѣшіе горцы, и такъ близко, что я очень хорошо видѣлъ, какъ нѣкоторые, согнувшись, съ винтовкой въ рукахъ, перебѣгали отъ одного дерева къ другому.

„Капитанъ снялъ шапку и набожно перекрестился, нѣкоторые старые солдаты сдѣлали то же. Въ лѣсу слышались гиканье, слова: іай гяуръ! урусъ іай! Сухіе, короткіе винтовочные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, и пули визжали съ обѣихъ сторонъ. Наши молча отвѣчали бѣглымъ огнемъ; въ рядахъ ихъ только изрѣдка слышались замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: *онъ* (*) откуда палить, *ему* хорошо изъ-за лѣса, *орудію* бы нужно.... и т. д.

„Орудія вѣзжались въ цѣпь, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью, непріятель, казалось, ослабѣвалъ, но черезъ минуту и съ каждымъ шагомъ, который дѣлали войска, снова усиливалъ огонь, крики и гиканье.

„Едва мы отступили саженъ на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата.... но зачѣмъ разсказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобъ забыть ее!

„Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакалъ съ одного конца цѣпи на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, и это очень шло къ его воинственному лицу.

(*) *Онъ*—собрательное названіе, подъ которымъ кавказскіе солдаты разумѣютъ вообще непріятели.

„Хорошенькій прапорщикъ былъ въ восторгѣ: прекрасныя черныя глаза его блестяи отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подвѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься на ура.

— Мы ихъ отобьемъ, убѣдительно говорилъ онъ: право, отобьемъ.

— Не нужно, кротко отвѣчалъ капитанъ, надо отступать.

„Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливалась отъ непріятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ скруткѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья бѣлому машточку (*) и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо анали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ.) Только изрѣдка онъ возвышалъ голосъ, прикривая на тѣхъ, которые подымали головы. Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственнаго; но за то въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. Вотъ кто истинно храбръ, сказалось мнѣ неволью.

„Онъ былъ *точно такимъ же, какимъ я всегда видалъ его*: тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его некрасивомъ, но простомъ лицѣ: только по болѣе, чѣмъ обыкновенно, свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человѣка, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легко сказать: *такимъ же, какъ я, всегда*; но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ, зачѣмъ казаться.

„Французъ, который при Ватерлоо сказалъ: *la garde meurt, mais ne se rend pas*, и другіе, въ особенности французскіе, герои, которые говорили достопамятныя изрѣченія, были храбры и дѣйствительно говорили достопамятныя изрѣченія; но между ихъ храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я увѣренъ, онъ не сказалъ бы его: во-первыхъ потому, что сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во-вторыхъ потому, что когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово

(*) Маштакъ, на кавказскомъ нарѣчїи, значитъ небольшая лошадь.

не нужно. Это, по моему мнѣнію, особенная и высокая черта русской храбрости; и какъ же послѣ этого не болѣть русскому сердцу, когда между нашими молодыми войнами слышишь французскія пошлыя фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?...

„Вдругъ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ хорошенькій прапорщикъ со взводомъ, послышалось недружное и негромкое ура. Оглянувшись на этотъ крикъ, я увидѣлъ человѣкъ тридцать солдатъ, съ ружьями въ рукахъ и мѣшкомъ на плечахъ, насили-насилиу бѣжали по вспаханному полю. Они спотыкались, но все подвигались впередъ и кричали. Впереди ихъ, выхвативъ пашку, скакалъ молодой прапорщикъ.

„Все скрылось въ лѣсу....

„Черезъ нѣсколько минутъ гиканья и трескотни, изъ лѣсу выбѣжала испуганная лошадь, и въ опушкѣ показались солдаты, выносившіе убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ молодой прапорщикъ. Два солдата держали его подъ мышки. Онъ былъ блѣденъ какъ платокъ, и хорошенькая головка, на которой замѣтна была только тѣнь того воинственнаго восторга, который воодушевлялъ ее за минуту передъ этимъ, какъ-то страшно углубилась между плечъ и спустилась на грудь. На бѣлой рубашкѣ, подъ разстегнутымъ скюртукомъ, виднѣлось небольшое кровавое пятнышко.

— „Ахъ, какая жалость!“ сказалъ я невольно, отворачиваясь отъ этого печальнаго зрѣлища.

— „Извѣстно, жалко“ — сказалъ старый солдатъ, который, съ угрюмымъ видомъ, облокотясь на ружье, стоялъ подлѣ меня. — „Ничего не боится: какъ же этакъ можно!“ прибавилъ онъ, пристально глядя на раненаго. „Глупъ еще—вотъ и поплатился.“

— „А ты развѣ боишься?“ спросилъ я.

— „А то нѣтъ!“

Здѣсь авторъ является не только разскащикомъ, но и психологомъ, который усматриваетъ всѣ мельчайшія движенія души и безопасно выставляетъ ихъ такъ, какъ они есть, а не такъ, какъ обыкновенно стараются ихъ выставить. Иной писатель, особенно французъ, изображая, напри-мѣръ, храбрость своего героя, удовольствовался бы описаніемъ только внѣшнихъ признаковъ проявленія этой храбрости, не считая нужнымъ заглядывать въ самую душу; графъ Толстой, будучи не только художникомъ, но и философомъ-психо-

логомъ, не ограничивается описаніемъ одной вѣщности, но заглядываетъ въ самыя затаенныя мысли и изображеніемъ ихъ дополняетъ свое описаніе. Вотъ, напримѣръ, эпизодъ изъ разсказа „Рубка лѣса“, гдѣ авторъ представляетъ довольно бѣглый анализъ того, что происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ стоитъ подъ непріятельскимъ выстрѣломъ. Надо замѣтить, что въ этомъ разказѣ рѣчь ведетъ артиллерійскій юнкеръ, командующій, за отсутствіемъ офицера, двумя орудіями находящимися въ прикрытіи команды, производящей рубку. Юнкера приглашаетъ тутъ же въ цѣпи позавтракать пѣхотный ротный командиръ, капитанъ Болховъ. Не можемъ не остановиться на сжатой, но выразительной характеристикѣ этого офицера, представляемой авторомъ.

„Ротный командиръ Болховъ былъ одинъ изъ офицеровъ, называемыхъ въ полку *бонжурами*. Онъ имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски. Но, несмотря на это, товарищи любили его. Онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ достаточно такта, чтобы носить петербургскій сюртукъ, ѣсть хорошій обѣдъ и говорить по-французски, не слишкомъ оскорбляя общество офицеровъ.“

Можно еще прибавить, что, какъ видно изъ словъ самого Болхова, онъ недоволенъ своимъ положеніемъ на Кавказѣ, служить неохотно, но считаетъ невозможнымъ для себя вернуться въ Россію до тѣхъ поръ, пока не получитъ Анны и Владиміра, Анны на шею и чинъ маіора.

Закусывая вмѣстѣ съ юнкеромъ подъ деревомъ только-что разогрѣтыми битками, этимъ самымъ обыкновеннымъ офицерскимъ блюдомъ, Болховъ, сознается, что чувствуетъ себя неспособнымъ къ кавказской службѣ, что не можетъ переносить опасности, короче сказать, что онъ не храбръ.

— „Знаете, я въ нынѣшній отрядъ въ первый разъ въ дѣлѣ“, продолжалъ онъ, „и вы не можете себя представить, что со мной вчера было. Когда фельдфебель принесъ приказаніе, что моя рота назначена въ колонну, я поблѣднѣлъ какъ полотно и не могъ говорить отъ волненія. А какъ я провелъ ночь, ежели бы вы знали.... Если правда, что сѣдѣютъ отъ страха, то я бы долженъ быть совершенно бѣлый нынче, потому что, вѣрно, ни одинъ приговоренный къ смерти, не протерпѣлъ въ одну ночь столько, какъ я; даже и теперь, хотя мнѣ и легче немного, чѣмъ ночью, но у меня здѣсь вотъ что идетъ“, прибавилъ

онъ, вертя кулакъ передъ своей грудью. — „И что смѣшно“, продолжалъ онъ, „что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ ѣшь битки съ лукомъ и увѣряешь, что очень весело. Вино есть, Николаевъ?...“ прибавилъ онъ гѣвая.

— „Это *она*, братцы мои!“ послышался въ это время встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, и всѣ глаза обратились на опушку дальняго лѣса.

— „Вдали увеличивалось и, уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это былъ противъ насъ выстрѣлъ непріятеля, все, что было на моихъ глазахъ въ эту минуту, все вдругъ приняло какой-то новый величественный характеръ. И козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты и загорѣлое, усатое лицо Николаева, все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло уже изъ дыма и летитъ въ это мгновеніе въ пространство, можетъ быть направлено прямо въ мою грудь.

— „Вы гдѣ брали вино?“ лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ, какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса: одинъ—Господи, прими духъ мой съ миромъ, другой—надѣюсь не нагнуться, а улыбаться въ то время, какъ будетъ пролетать ядро, и въ то же мгновеніе надъ головою просвистѣло что-то ужасно непріятно и въ двухъ шагахъ отъ насъ шлепнулось ядро.

— „Вотъ если бы я былъ Наполеонъ или Фридрихъ“—сказалъ въ это время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ — „я бы непременно сказалъ какую-нибудь любезность.

— „Да вы и теперь сказали“, отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведенную во мнѣ прошедшей опасностію.

— „Да что жъ что сказалъ, никто не запишетъ.

— „А я запишу.

— „Да вы ежели и запишете, такъ въ критику, какъ говорить Мищенковъ“, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— „Тѣфу ты проклятый!“ сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадой плюя въ сторону:—„трошки по ногамъ не задѣла.“

— „Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы показались мнѣ вдругъ невыносимо глупыми послѣ этого простодушнаго восклицанія.“

Все это какъ нельзя болѣе естественно, особенно стараніе молодого юнкера казаться спокойнымъ въ то время, когда на душѣ, что называется, кошки скребуть. У Волхова также буря въ груди, а онъ хладнокровно улыбается въ то время, когда ядро пронесется надъ его головою; онъ старается очевидно думать не о настоящемъ своемъ положеніи, а о томъ, что сдѣлали бы Наполеонъ да Фридрихъ, находясь въ его положеніи.

Такою же естественностію отличаются и вообще всѣ личности, являющіяся въ разсказахъ графа Толстаго: это вовсе не герои, а самые обыкновенные люди, которые, какъ прилично всѣмъ смертнымъ, не любятъ умирать хотя бы даже и со славою, но которые, тѣмъ не менѣе, честно исполняютъ свой долгъ, и когда того требуютъ обстоятельства, являются очень и очень храбрыми людьми. Такое изображеніе ихъ во всей полнотѣ достоинствъ и недостатковъ не только не роняетъ ихъ, напротивъ, возбуждаетъ къ нимъ еще болѣе сочувствія и уваженія.

При дальнѣйшемъ обзорѣ сочиненій графа Толстаго мы неоднократно будемъ еще имѣть случай указывать на разносторонность его изображеній и на полноту характеристики описываемыхъ имъ лицъ. Теперь же, чтобы покончить съ кавказскими разсказами, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ лицахъ, выводимыхъ авторомъ.

Лицъ этихъ довольно много, но каждое изъ нихъ имѣетъ свою своеобразную физиономію, которая могла выработаться только на Кавказѣ. Нѣкоторые изъ подобныхъ типовъ перевелись уже, какъ въ слѣдствіе совершенно измѣнившагося направленія вообще нашего общества, такъ и потому, что самый Кавказъ потерялъ свою боевую поэтичность, которая многихъ манила туда и подъ вліяніемъ которой выработывались особенные типы. Къ числу такихъ, почти исчезнувшихъ уже, типовъ принадлежитъ личность поручика Розенкранца, изображаемая графомъ Толстымъ въ разсказѣ „Набѣгъ“. Это типъ удалца, который, воспитавшись на Марлинскомъ и Лермонтовѣ, руководствуется во всемъ не собственными своими наклонностями, а примѣромъ героевъ нашего времени, Мулла-Нуровъ и т. под. Будучи отъ природы одаренъ весьма добрымъ сердцемъ, Розенкранцъ считалъ себя обязаннымъ заставлять страдать людей, въ которыхъ онъ будто бы былъ разочарованъ и которыхъ будто бы презиралъ и ненавидѣлъ; чувства мести и пре-

зрѣнія ко всему роду человѣческому, по его мнѣнію, были самыя высокія поэтическія чувства.

„Поручикъ—говорить авторъ, обрисовывая личность Розенкранца—любилъ, напримѣръ, можетъ быть общество порядочныхъ женщинъ и важныхъ людей—генераловъ, полковниковъ, адъютантовъ; даже я увѣренъ, что онъ очень любилъ это общество, потому что онъ былъ тщеславенъ въ высшей степени—но онъ считалъ своей непремѣнной обязанностію поворачиваться своей грубой стороною ко всѣмъ важнымъ людямъ, хотя грубилъ имъ весьма умѣренно, и когда появлялась какая-нибудь барыня въ крѣпости, то считалъ своей обязанностію ходить мимо ея оконъ съ кунаками (*) въ одной красной рубахѣ и однихъ чувякахъ на босую ногу, и какъ можно громче кричать и браниться; но все это не столько съ желаніемъ оскорбить ее, сколько съ желаніемъ показать, какія у него прекрасныя бѣлыя ноги и какъ можно бы было влюбиться въ него, если бы онъ самъ захотѣлъ этого.“

И этотъ же самый человѣкъ, всегда старавшійся казаться не тѣмъ чѣмъ былъ, а чѣмъ хотѣлъ быть, дома, у себя, являлся добрымъ и кроткимъ существомъ, по вечерамъ писалъ свои записки, сводилъ счеты на разграфленной бумагѣ и на колѣняхъ молился Богу.

Замиреніе Кавказа должно конечно уничтожить подобныя типы, неестественныя, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ личностей; но къ нимъ, сказать правду, нельзя не отнестись съ уваженіемъ, особенно если сравнить такого рода типъ съ другимъ, паралельнымъ ему, разившимся лѣтъ тридцать тому назадъ въ нашей арміи, расположенной внѣ Кавказа. Кавказская удалъ старалась подражать дикимъ горцамъ, выказывала пренебреженіе и неприязнь ко всѣмъ европейскимъ понятіямъ и идеямъ и находила себѣ просторъ и исходъ въ войнѣ; напротивъ того, удалъ внѣ-кавказскихъ храбрецовъ, порожденная, быть можетъ, тѣми же потребностями, выражалась въ безобразныхъ кутежахъ, попойкахъ, въ открытой неприязни и даже борьбѣ противъ всего, что не принадлежало къ составу арміи, противъ всѣхъ установившихся въ обществѣ приличій и понятій. Къ счастью, и этотъ уродливый типъ сталъ исчезать въ рядахъ нашей арміи еще прежде, чѣмъ перевелся на Кавказѣ типъ разочарованныхъ храбрецовъ—джигитовъ.

(*) Кунакъ—пріятель, другъ, на кавказскомъ нарѣчій.

Изъ другихъ личностей, воспроизводимыхъ графомъ Толстымъ въ его кавказскихъ разсказахъ, можно указать еще на пустую, постоянно занятую лишь тѣмъ, чтобы не уронить своего начальническаго достоинства, фигуру майора Кирсанова, на скромную, тихую личность прапорщика, баталіоннаго адъютанта, наконецъ на хвастливаго капитана генеральнаго штаба Крафта, котораго авторъ вполне характеризуетъ словами: „это нѣмецъ, который хочетъ быть хорошимъ товарищемъ“. Всѣ эти личности, вмѣстѣ съ капитаномъ Тросенко, сходятся послѣ дѣла въ балаганѣ Болхова и авторъ заставляетъ ихъ вести здѣсь одинъ изъ тѣхъ общихъ разговоровъ, которые такъ часто можно слышать въ офицерской компаніи. Разговоръ этотъ хотя нѣсколько и стѣсненъ присутствіемъ чванливаго майора Кирсанова, однако въ немъ перебраны всѣ обыкновенные предметы подобныхъ бесѣдъ: и кое-какія воспоминанія о Россіи, и важный вопросъ о томъ, достаточно ли молодому офицеру получаемаго имъ жалованья; не забыты и воспоминанія, конечно преувеличенныя, о прежнихъ походахъ и дѣлахъ. Все это чрезвычайно живо и дополняетъ художественную и какъ нельзя болѣе правдивую обрисовку выведенныхъ личностей.

Нельзя не замѣтить, что графъ Толстой по преимуществу очерчиваетъ личности офицеровъ, весьма рѣдко затрогивая солдатскіе типы и вообще сцены изъ чисто-солдатской жизни. Только въ одномъ разсказѣ „Рубка лѣса“, авторъ проводитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ артилерійскихъ солдатъ, разоблачая эти простые, безхитростныя натуры.

Здѣсь же графъ Толстой очерчиваетъ и тѣ главнѣйшіе типы, въ какихъ проявляется личность нашего солдата. Хотя очеркъ этотъ и отзывается стремленіемъ къ систематичности, желаніемъ подвести всѣ типы подъ нѣсколько отдѣльныхъ рубрикъ, однако онъ показываетъ, что наблюдательность автора не ограничивалась однимъ близко ему извѣстнымъ офицерскимъ обществомъ, но проникала и въ среду нижнихъ чиновъ.

„Въ Россіи — говоритъ онъ — есть три преобладающіе типа солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артилерійскихъ и т. д.

„Главные эти типы, со многими подраздѣленіями и соединеніями, слѣдующіе:

- 1) Покорныхъ.
- 2) Начальствующихъ.
- 3) Отчаянныхъ.

„Покорные подраздѣляются на: а) покорныхъ хладнокровныхъ и б) покорныхъ хлопотливыхъ.

„Начальствующіе подраздѣляются на: а) начальствующихъ суровыхъ и б) начальствующихъ политическихъ.

„Отчаянные подраздѣляются на: а) отчаянныхъ забавниковъ и б) отчаянныхъ.

„Чаще другихъ встрѣчающійся типъ, типъ болѣе всего милый, симпатичный и большей частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями: кротостію, набожностію, терпѣніемъ и преданностію волѣ Божей, есть типъ покорнаго вообще. Отличительная черта покорнаго-хладнокровнаго есть ничѣмъ несокрушимое спокойствіе и презрѣніе ко всѣмъ превратностямъ судьбы, могущимъ постигнуть его. Отличительная черта покорнаго-пьющаго есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливаго — ограниченность умственныхъ способностей, соединенная съ бездѣльнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ.

„Типъ же начальствующихъ вообще встрѣчается преимущественно въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. д., и, по первому подраздѣленію начальствующихъ-суровыхъ, есть типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключаящій высокихъ поэтическихъ порывовъ (къ этому-то типу принадлежалъ ефрейторъ Антоновъ, съ которымъ я намѣренъ познакомиться читателя). Второе подраздѣленіе составляютъ начальствующіе-политичные, съ нѣкотораго времени начинающіе сильно распространяться. Начальствующій-политичный бываетъ всегда краснорѣчивъ, грамотенъ, ходитъ въ розовой рубашкѣ, не ѣстъ изъ общаго котла, куритъ иногда мусатовъ табакъ, считаетъ себя несравненно выше простаго солдата и рѣдко самъ бываетъ столь хорошимъ солдатомъ, какъ начальствующіе перваго разряда.

„Типъ отчаяннаго, точно такъ же какъ и типъ начальствующаго, хорошъ въ первомъ подраздѣленіи — отчаянныхъ забавниковъ, отличительными чертами которыхъ суть непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богатство натуры и удалъ, и такъ же ужасно дуренъ во второмъ подраз-

дѣленіи — отчаянныхъ-развратныхъ, которые, однако, нужно сказать въ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко, и если встрѣчаются, то бывають удаляемы отъ товарищества самимъ обществомъ солдатскимъ. Невѣріе и какое-то удалъство въ пороки — главные черты характера этого разряда.“

Въ дополненіе и какъ бы въ поясненіе этой классификаціи солдатскихъ типовъ, авторъ представляетъ нѣсколько личностей солдатъ, а именно: покорно-хлопотливаго Веленчука, личность честную и въ высшей степени симпатичную, какихъ множество у насъ въ каждой части войскъ, затѣмъ образчики начальствующаго-политичнаго, покорнаго-хладнокровнаго и отчаяннаго забавника. Всѣ эти лица являются какъ живыя. Между ними особенно выдѣляется типъ бомбардира Антонова, о которомъ уже упоминалось выше, и который, несмотря на всѣ очевидные его недостатки, невольнo возбуждаетъ къ себѣ уваженіе. Это образецъ исправнаго, смирнаго, исполнительнаго, спокойно-храбраго солдата до тѣхъ поръ пока онъ трезвъ. Бѣда въ томъ, что повремениамъ, конечно отъ бездѣлья и скуки, подобныя натуры, не находя исхода своей дѣятельности, загуливаютъ, пьютъ безъ просыпу и тогда уже становятся совершенно другимъ человѣкомъ, непризнающимъ властей, буяномъ, вступающимъ въ драки при всякомъ случаѣ. Таковъ и бомбардиръ Антоновъ; но въ самомъ загулѣ его есть что-то дѣйствительно энергическое, даже до нѣкоторой степени поэтическое. „Надобно было видѣть“ — говоритъ графъ Толстой — „эту невысокую, сбитую какъ желѣзо, фигуру, съ короткими, выгнутыми ножками и глянцовитой усатой рожей, когда онъ, бывало, подъ хмѣлькомъ, возьметъ въ жилистыя руки балалайку и, небрежно поглядывая по сторонамъ, заиграетъ „барыню“, или съ шинелью въ накидку, на которой болтаются ордена, и заложивъ руки въ карманы синихъ нанковыхъ штановъ, пройдетъ по улицѣ—надо было видѣть выраженіе солдатской гордости и презрѣнія ко всему не-солдатскому, игравшей въ это время на его физиономіи, чтобы понять, какимъ образомъ не подрагаться ему въ такія минуты, съ загрубившимъ или просто подвернувшимся деньщикомъ, казакомъ, пѣхотнымъ или переселенцемъ, вообще не-артиллеристомъ, было для него совершенно невозможно. Онъ дрался и буянилъ не столько для собственнаго удовольствія, сколько для поддержанія духа всего солдатства, котораго онъ чувствовалъ себя представителемъ.“

Легко замѣтить, что этотъ типъ есть совершенное воспроизведеніе офицерскаго типа — удалыхъ джигитовъ Кавказа и забубенныхъ кутилъ гусарщины, только въ болѣе грубой формѣ. Подобные типы теперь становятся уже рѣдкими, но врядъ ли можно предполагать, чтобы они вовсе исчезли, не только въ нашей, но и вообще во всѣхъ арміяхъ. Конечно, чѣмъ болѣе развито общество, чѣмъ выше стоитъ общій уровень общественнаго образованія, тѣмъ менѣе можетъ являться личностей, способныхъ выработаться въ подобный типъ; но совершенно исчезнуть этотъ типъ не можетъ, потому что основаніе отличительныхъ его качествъ непосредственно заключается въ такихъ чертахъ человѣческой натуры, которыя не легко сглаживаются образованіемъ, а нерѣдко даже и поддерживаются имъ.

Разказы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ кавказской жизни, составляютъ какъ бы первые опыты графа Толстаго въ описаніи военнаго быта. Болѣе зрѣлымъ произведеніемъ его являются три отдѣльныя картины, изображающія великую севастопольскую драму; это какъ бы главы героической эпопеи, представляющія защиту Севастополя въ три наиболѣе замѣчательныя эпохи: въ декабрь 1854 года, въ май и августъ 1855. Въ свое время разказы эти съ жадностію перечитывались: они почти первые познакомили наше общество во всей полнотѣ съ кровавой драмой и повинѣ нисколько не потеряли своего интереса, потому что это самая живая, а главное полная правдивости картина того, что было пережито Севастополемъ и его защитниками въ теченіе достопамятной осады. Хотя прошло уже болѣе двѣнадцати лѣтъ со времени появленія въ печати этихъ разказовъ, однако всегда можно съ удовольствіемъ припомнить ихъ содержаніе, чтобы воскресить передъ глазами подвиги тѣхъ героевъ, которые останутся незабвенными въ нашей исторіи.

Въ первомъ разказѣ „Севастополь въ декабрь мѣсяцъ“, авторъ описываетъ посѣщеніе имъ южной стороны, госпиталя переполненнаго ранеными и знаменитаго 4-го бастиона. Южная сторона имѣетъ еще видъ почти мирнаго города, въ которомъ только мѣстами замѣтны слѣды боевой жизни; солдаты, лошади, повозки, оружіе, все это попадаетъ въ

городъ зачастую, но перемѣшанное еще со всѣми признаками мирнаго процвѣтанія города. Городская жизнь въ полномъ разгарѣ: выѣски лавокъ, трактиры, купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры, все это какъ бы говорить о полной безопасности города, о спокойствіи его, несмотря на то, что на его окраинахъ, на окружающихъ его укрѣпленіяхъ, идетъ уже давно весьма серьезная работа. Первое впечатлѣніе, производимое городомъ на вновь прибывшаго, самое неприятное — говорить авторъ: — „странное смѣшеніе лагерной и городской жизни, красиваго города и грязнаго бивуака не только некрасиво, но кажется отвратительнымъ безпорядкомъ; вамъ даже покажется, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ что дѣлать. Но взгляните ближе въ лица этихъ людей, движущихся вокругъ васъ, и вы поймете совсѣмъ другое. Посмотрите хоть на этого фурштатскаго солдатика, который ведетъ поить какую-то гвѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ, что, очевидно, онъ не заблудится въ этой разнообразной толпѣ, которой для него и не существуетъ, но, что онъ исполняетъ свое дѣло, какое бы оно ни было—поить лошадей, или таскать орудія, такъ же спокойно и самоувѣренно и равнодушно, какъ бы все это происходило гдѣ-нибудь въ Тулѣ или въ Саранскѣ. То же выраженіе читаете вы на лицѣ этого офицера, который, въ безукоризненно-бѣлыхъ перчаткахъ, проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который курить сидя на барикадѣ, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками дожидающихся на крыльцѣ бывшаго собранія, и въ лицѣ этой дѣвчонки, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ черезъ улицу.“

Это спокойствіе, отсутствіе суетливости, растерянности или энтузіазма, опять-таки прямое слѣдствіе чисто-русскаго характера, въ которомъ нѣтъ вовсе восторженности, напыщенности при исполненіи какого-либо дѣла, какъ бы оно ни было важно.

А дѣло было уже очень важно: въ этомъ легко убѣдиться, посѣтивъ вмѣстѣ съ авторомъ перевязочный пунктъ, помѣщавшійся въ домѣ севастопольскаго собранія, и сходовъ на бастионы, гдѣ можно было видѣть защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты. Только здѣсь можно было понять и

оцѣнить этихъ героевъ, всю силу ихъ самопожертвованія и твердости.

Кажется, невозможно было бы осознательнѣе очертить знаменитый 4-й бастионъ и всю дорогу къ нему черезъ Язновскій редутъ, какъ то сдѣлано въ разсказѣ графа Толстаго. Вся эта изрытая мѣстность, постоянно обстрѣливаемая не только орудійнымъ, но и штуцернымъ огнемъ, мастерски описана авторомъ. Слишкомъ много пришлось бы выписывать, чтобы ознакомить съ этой частию оборонительной линіи Севастополя и съ положеніемъ на ней нашихъ войскъ; потому перейдемъ прямо къ заключенію, которое дѣлаетъ авторъ, показавъ читателю славный бастионъ. „Итакъ—говорить онъ — вы видѣли защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты и идете назадъ, почему—то не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра, идете съ спокойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное отрядное убѣжденіе, которое вы вынесли (*), это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитросплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, приѣмахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что вы убѣждены, они могутъ сдѣлать еще во сто разъ больше.... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей также спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди непрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ угрозы, не могутъ принять люди эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго — любовь къ родинѣ. Только теперь разсказы о первыхъ временахъ осады Севастопо-

(*) Разсказъ этотъ былъ написанъ въ апрѣлѣ 1855 года.

поля, когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдается непріятелю, временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Греціи—Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „умремъ ребята, а не отдадимъ Севастополя“, и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „умремъ! ура!“; только теперь рассказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностію, фактомъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ, и съ наслажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину. Надолго оставить въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій....“

Описаніе состоянія Севастополя въ декабрѣ мѣсяцѣ изложено съ большею подробностію. Такъ какъ и самая оборона приняла болѣе обширные размѣры, то это обстоятельство непосредственно отразилось на рассказѣ автора, который выводитъ здѣсь значительно большее число лицъ, дѣйствующихъ въ разныхъ положеніяхъ и при разныхъ обстановкахъ.

Начинается рассказъ описаніемъ гулянья на севастопольскомъ бульварѣ подъ звуки хора полковыхъ музыкантовъ; толпы всякаго, преимущественно военнаго, народа и женщинъ, преимущественно молодыхъ, частію въ шляпкахъ, частію просто въ платочкахъ, наполняютъ бульваръ какъ будто никто и не помышляетъ о непріятелѣ. Изъ числа образовавшихся на бульварѣ кружковъ, авторъ описываетъ на удачу одинъ, въ которомъ главную роль играетъ адъютантъ Калугинъ, типъ личныхъ адъютантовъ при начальникахъ войскъ. Личность Калугина выдержана какъ нельзя лучше въ теченіе всего рассказа; это образецъ въ высшей степени самолюбиваго, далеко не глупаго, но по преимуществу ловкаго на всѣ штуки офицера, считающаго себя необыкновенно важною особою по своему положенію, полнаго самоувѣренности и почти презрѣнія къ строевымъ офицерамъ. Говоритъ онъ въ обществѣ какъ-то таинственно, желая тѣмъ показать, что знаетъ всѣ секреты вышшаго начальства; онъ не лишенъ храбрости, хотя крѣпко не любитъ ходить на бастіоны; о дѣлахъ съ непріателемъ судитъ лишь на столько, на сколько можно надѣяться получить за

дѣло награду. А какъ господа подобные Калугинымъ третируютъ строевыхъ офицеровъ авторъ очерчиваетъ слѣдующими немногими словами. Калугинъ съ гостями своими пьетъ чай. Въ это время въ комнату вошелъ пѣхотный офицеръ.

— „Я... мнѣ приказано.... я могу ли явиться къ ген...., къ его превосходительству отъ генерала N?“ спросилъ онъ застѣнчиво, кланяясь.

„Калугинъ всталъ, но, не отвѣчая на поклонъ офицера, съ оскорбительной учтивостью и натянutoй официальной улыбкой, спросилъ офицера, не угодно ли *имъ* подождать, и, не попросивъ его сѣсть, не обращая на него больше вниманія, повернулся къ Гальцину и заговорилъ по-французски, такъ что бѣдный офицеръ, оставшись по срединѣ комнаты, рѣшительно не зналъ что дѣлать съ своей персоной.

— „По крайне-нужному дѣлу-съ“, сказалъ офицеръ, послѣ минутнаго молчанія.

— „А! такъ пожалуйста!“ сказалъ Калугинъ, надѣвая шинель и провожая его къ двери.

Но довольно объ этой личности; дай Богъ, чтобы типъ Калугиныхъ порѣже встрѣчался въ нашей арміи.

Возвратимся съ авторомъ на бульваръ, гдѣ около Калугина образовался, такъ сказать, аристократическій кружокъ офицеровъ, а именно адъютантъ князь Гальцинъ, полковникъ Нефердовъ, одинъ изъ такъ называемыхъ *ста-двадцати-двухъ* свѣтскихъ людей, поступившихъ на службу въ эту кампанію изъ отставки, и ротмистръ Праскухинъ, тоже одинъ изъ *ста-двадцати-двухъ*. Къ этому-то кружку съ робостью подходитъ пѣхотный штабсъ-капитанъ Михайловъ, простая, скромная натура, который однако испорченъ уже на столько, что чуждается своихъ товарищей, ходящихъ безъ перчатокъ, въ верблюжьихъ штанахъ, въ обношенной шинели и говорящихъ громко. Михайловъ боится и не рѣшается подойти къ кружку Калугина, хотя знакомъ и съ Калугинымъ и съ Праскухинымъ. „Что ежели они вдругъ мнѣ не поклонятся“, думаетъ онъ, „или поклонятся и будутъ продолжать говорить между собою, какъ будто меня нѣтъ, или вовсе уйдутъ отъ меня, и я тамъ останусь одинъ между аристократами“. Послѣ долгихъ колебаній Михайловъ сдѣлалъ наконецъ усиліе надъ собою и подошелъ къ кружку. „Къ счастью Михайлова, Калугинъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа (генераль только-что по-

говорила съ нѣмъ весьма довѣренно и князь Гальцинь, прѣхавшій изъ Петербурга, остановился у него): онъ счелъ неунизительнымъ подать руку штабсъ-капитану Михайлову, чего не рѣшился, однако, сдѣлать Праскухинъ, весьма часто встрѣчавшійся на бастионѣ съ Михайловымъ, неоднократно жившій его вино и водку и даже должный ему по преэбрансу двѣнадцать рублей съ половиной. Не зная еще хорошеенько князя Гальцина, ему не хотѣлось изобличить передъ нимъ свое знакомство съ простымъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ. Онъ слегка поклонился ему“.

Какъ вѣрно подмѣчена эта характеристичная сцена, выходящая во всей полнотѣ пустое тщеславіе, чрезвычайно развитое въ нашемъ обществѣ. Весьма справедливо замѣчаетъ графъ Толстой, что вообще тщеславіе составляетъ отличительную черту и особенную болѣзнь нашего вѣка. И какъ неугодно оно между тѣми людьми, которые, какъ защитники Севастополя, должны быть почти ежеминутно готовы къ смерти!...

Съ бульвара весь аристократическій кружокъ отправился пить чай къ Калугину, въ его комфортабельной, уютной квартирѣ, обильно снабженной всѣми удобствами жизни. Чай подается на серебряномъ подносѣ, со сливками и крекдельками; въ квартирѣ есть даже фортепьяны; вся обстановка вообще такова, что, по выраженію князя Гальцина, подобную хотъ бы и въ Петербургѣ имѣть.

Въ то же время и штабсъ-капитанъ Михайловъ вернулся въ свою маленькую комнату съ землянымъ неровнымъ поломъ и кривыми окнами, заглѣпленными бумагой; увидалъ онъ здѣсь свою старую кровать съ прибитымъ надъ ней ковромъ, на которомъ изображена была амазонка и висѣли два тульскіе пистолета: увидалъ грязную, съ ситцевымъ одѣяломъ, постель юнкера, который жилъ съ нимъ; увидалъ своего Ниниту, который со взбудараженными, салными волосами, почесываясь, всталъ съ полу; увидалъ свою старую шинель, личные сапоги и узелокъ, изъ котораго торчали кусокъ сыра и горлышко портерной бутылки съ водкой, приготовленной на бастионѣ. Ему вспомнилось предстоящее удовольствіе сегодня же идти съ ротой на цѣлую ночь въ ложементы. Бѣдный Михайловъ шелъ въ траншеи не по очереди, а потому что самъ вызвался замѣстить больнаго, и теперь у него заражается предчувствіе,

что его непременно убьютъ, на основаніи повѣрья, что убиваютъ того, кто напрашивается.... Чувство это не даетъ ему покоя и только глубокое сознаніе, что, вызвавшись идти, онъ исполнилъ свой долгъ, успокоиваетъ его. Онъ написалъ прощальное письмо къ отцу, и, простившись со своимъ нѣжнымъ Никитой, отправился съ ротой въ ложементы.

Ночь эта была тревожная: произошла упорная свалка въ ложементахъ, наши выбили французовъ, потомъ французы отѣснили нашихъ, а тамъ послѣли подкрѣпленія и снова наши взяли верхъ. Все это, конечно, происходило какъ бы по вдохновенью, какъ-то само слагалось мелочными неувлимыми обстоятельствами, а вовсе не такъ, какъ изображается въ реляціяхъ, сочиняемыхъ на другой день послѣ дѣла. Эту-то, если можно такъ выразиться, безпорядочность дѣла, вѣрно понялъ графъ Толстой, а потому у него и нѣтъ описанія собственно самого дѣла: представлены лишь эпизоды его и притомъ преимущественно въ разсказахъ участниковъ. Кое-что сообщаютъ раненые бывшіе въ дѣлѣ, кое-что узнаете отъ прѣзжающихъ съ бастиона ординарцевъ; введенъ и хвастливый разсказъ юнкера — нѣмца Песта, который выставляетъ себя героемъ, между тѣмъ какъ въ сущности онъ растерялся и въ суматохѣ кого-то или что-то кольнулъ штыкомъ. Чтобы передать содержаніе этой части разсказа пришлось бы цѣлкомъ цитировать автора, у котораго нѣтъ ничего лишняго, все имѣетъ значеніе, все необходимо для полноты. Калугинъ, Михайловъ, Праскухинъ, Гальцинъ, даже денщикъ Никита и матроска, хозяйка Михайлова, всѣ служатъ обстановкою и необходимымъ дополненіемъ картины ночнаго дѣла.

Праскухинъ убитъ, Михайловъ легко раненъ, Калугинъ мечтаетъ о золотой саблѣ за дѣло. Все это изображено такъ живо, такъ естественно, что невольно увлекаетъ и переноситъ на самый театръ дѣйствій, какъ бы ставить самого читателя непосредственнымъ зрителемъ событій. Надо отдать справедливость графу Толстому: онъ неподражаемъ въ изображеніи чисто-боевыхъ сценъ, и въ этомъ отношеніи какъ въ нашей, такъ и въ иностранныхъ литературахъ у него нѣтъ соперниковъ.

На другой день, вечеромъ, опять музыка на бульварѣ и опять толпы гуляющихъ, между которыми главнымъ предметомъ разговора вчерашнее дѣло; каждый старается разумѣется

выставить свою долю участія и свои заслуги въ преувеличенномъ видѣ. И опять здѣсь тщеславіе и все тщеславіе.

Въ дополненіе разсказа о положеніи Севастополя въ маѣ мѣсяцѣ, авторъ дѣлаетъ читателя зрителемъ уборки убитыхъ во время перемирія, на другой день послѣ дѣла: здѣсь цѣлый рядъ сценъ, разговоровъ, обильна любезностей между нашими и французскими офицерами и солдатами. Картина эта невольно вызываетъ какъ бы протестъ автора противъ неестественности отношеній, создаваемыхъ войною. „Тысячи людей толпятся, смотрять, говорятъ, улыбаются другъ другу. И эти люди—христиане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному и со слезами радости и счастья не обнимутся какъ братья?“

Подобные протесты невольно возникаютъ въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка, который видитъ въ войнѣ не одну славу, не одинъ блестящій соображенія, да красивую картину съ музыкою и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами, да гарцующими генералами, но который способенъ изучить войну всесторонне, со всѣми ея разнообразными проявленіями, со всѣми ея тяжкими страданіями, съ пролитію кровью. Было время, когда изъ-за блеска военной славы не замѣчали или не хотѣли видѣть обратной стороны войны, когда жизнь человѣческую вовсе не цѣнили; въ тѣ времена и самыя описанія военныхъ дѣйствій были поверхностны, ограничивались блестящей стороною дѣла, оставляя въ пренебреженіи все то, что касалось бѣдствій и ужасовъ войны. Теперь исторія иначе относится къ военнымъ дѣйствіямъ: онѣ изучаются до малѣйшихъ подробностей; теперь войны описываются не въ одномъ боевомъ отношеніи, но и въ административномъ, врачебномъ и другихъ отношеніяхъ.

Такого рода изслѣдованія не могутъ остаться безъ послѣдствій для современнаго общества: оно получаетъ болѣе данныхъ для ознакомленія съ самою дѣйствительностію войны, вѣрнѣе можетъ оцѣнить всѣ ужасы и бѣдствія ея, слѣдовательно и скорѣе можетъ быть вызвано на то, чтобы своимъ влияніемъ и содѣйствіемъ уменьшать эти бѣдствія, отклонять слишкомъ частое ихъ повтореніе. Если война есть бѣдствіе, котораго

нельзя избѣжать, то по крайней мѣрѣ надо стараться о томъ, чтобы оно повторялось какъ можно рѣже и было сопряжено съ возможно-меньшими ужасами. Последнее отчасти уже достигается международными трактатами о нейтрализаціи врачебной части и допущеніемъ на театръ войны частной благотворительности. Это новое явленіе было произведено изученіемъ оборотной стороны военныхъ дѣйствій, того, что происходитъ въ тылу армій, въ госпиталяхъ, на перевозочныхъ пунктахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, когда изученіе всѣхъ бѣдствій войны сдѣлается болѣе распространеннымъ, освободится отъ прикрывающаго ихъ тумана славы, тогда и самое возбужденіе войны станетъ болѣе труднымъ дѣломъ.

Третій изъ рассказовъ посвященъ изображенію Севастополя въ послѣдніе дни его обороны. Чтобы ярче выказать тогдашнее положеніе обороны, авторъ чрезвычайно искусно выводитъ на сцену молодого, только-что выпущеннаго изъ кадетскаго корпуса, артилерійскаго прапорщика Козельцова. Съ юношей этимъ читатель встрѣчается на станціи Дуванкой, послѣдней по почтовому тракту къ Севастополю. Здѣсь уже слышатся выстрѣлы усиленнаго бомбардированія Севастополя, чувствуется близость страшнаго побоища. На станціи собралось цѣлое общество проѣзжихъ офицеровъ, ожидающихъ лошадей; тутъ же и транспорты съ ранеными, идущіе изъ Севастополя, транспорты снарядовъ, направляющіеся къ этому городу; встрѣчаются лица, возвращающіяся къ своимъ частямъ изъ командировокъ и госпиталей. Въ числѣ послѣднихъ случился и армейскій поручикъ Михайло Козельцовъ, раненный 10-го мая осколкомъ въ голову и теперь возвращающійся къ полку изъ симферопольскаго госпиталя. На станціи онъ сталкивается съ братомъ Владиміромъ, который подлежалъ выпуску изъ корпуса въ гвардію, но отказался отъ этого и вышелъ въ артилерію для того, чтобы имѣть возможность попасть въ Севастополь. „Вѣдь если здѣсь счастливо пойдетъ“—объясняетъ онъ брату— „такъ можно еще скорѣе выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ такъ въ два года изъ подполковниковъ въ генералы. Ну, а убьютъ, такъ чтожь дѣлать!“

Увлекающійся юноша, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, опытнымъ, понатертымъ уже служакою, главныя дѣйствующія лица, около которыхъ сгруппированъ весь рассказъ и всѣ другія вы-

водими авторомъ личности. Старшій Козельцовъ выручаетъ съ Дуванкойской станціи своего неопытнаго брата и увозитъ на своей лошади въ Севастополь; сюда они прибываютъ сперва на сѣверную, гдѣ идутъ за справкою къ офицеру, завѣдывающему обозомъ; тутъ же знакомятся съ комисіонеромъ, типомъ служаки изъ-за выгоды безъ всякихъ возвышенныхъ увлеченій; затѣмъ оба брата переходятъ на южную сторону, навѣщаютъ перевязочный пунктъ и отправляются къ своимъ частямъ: старшій Козельцовъ къ полку, стоящему на пятомъ бастионѣ, а младшій къ своей батарее, стоявшей въ резервѣ на Корабельной сторонѣ. Недолго послѣднему пришлось быть въ батарее: на другой же день его, по жребію, послали съ командою на мортирную батарею, а черезъ день онъ погибъ при штурмѣ французовъ 27-го августа. Въ тотъ же день погибъ и старшій Козельцовъ.

Такова главная нить разсказа: къ ней авторъ съ удивительною полнотою привязываетъ цѣлый рядъ картинъ, мастерски обрисовывающихъ положеніе Севастополя и его защитниковъ въ послѣдніе дни передъ очищеніемъ южной стороны. Ничто не забыто: рельефно выставлено и то общее утомленіе и та безнадежность, которыя невольно овладѣли всѣми къ этому времени въ виду громадности силъ и средствъ противника, и та покойная, почти вошедшая въ привычку, стойкость и храбрость, которыя составляютъ неувядаемую славу севастопольцевъ. Положеніе города, укрѣпленій, солдатъ, общества офицеровъ разныхъ частей, начальниковъ этихъ частей, все очерчено съ такою полнотою, которой нельзя не удивляться.

Только съ манерою разсказа, лично принадлежащей графу Толстому, только съ его сжатымъ, но выразительнымъ и опредѣлительнымъ слогомъ можно было такъ ясно и полно изобразить столь обширную картину, не упустивъ въ ней ничего изъ тѣхъ мелочей, которыя незамѣтны для простаго зрителя, но важны для общей характеристики. Внутренность блиндажей, общій видъ укрѣпленій, офицерскія квартиры, ихъ хозяйство, настроеніе умовъ, разговоры солдатъ, все подмѣчено чрезвычайно вѣрно, передано съ такою сжатостію, которая не утомляя читателя, знакомитъ его съ самыми ничтожными подробностями. Безспорно, изъ всѣхъ военныхъ разсказовъ графа Толстаго это самый лучший: тутъ видна уже полнота богатаго

и своеобразнаго таланта, столь широко разившагося въ послѣднемъ его капитальномъ произведеніи „Война и миръ“.

Въ разсказѣ „Севастополь въ августѣ“, графъ Толстой является не только повѣствователемъ, но и глубокимъ психологомъ, проникающимъ во всѣ сокровенныя тайники сердца описываемыхъ имъ лицъ. Воспроизводя самыя простыя, обыкновенныя личности, авторъ показываетъ намъ, какъ постепенно подъ различными вліяніями мѣняются ихъ взгляды и чувства, какъ самыя эти лица, подъ впечатлѣніемъ окружающаго ихъ, почти перерождаются въ совершенно другихъ людей. Полнѣе всего, въ этомъ отношеніи, авторъ обрисовываетъ личность Козельцова младшаго, къ которой относится съ особенною любовью и сочувствіемъ. Да и читатель невольно увлекается сочувствіемъ къ этому симпатическому юношѣ. Наприсившись быть выпущеннымъ въ дѣйствующія войска, Козельцовъ спѣшилъ въ Крымъ, чтобы скорѣе сдѣлаться участникомъ знаменитой обороны, мечталъ объ отличіяхъ, о томъ, какъ его всѣ тотчасъ же замѣтятъ, какъ онъ станетъ какимъ-то небывалымъ еще героемъ. Но всѣ мечты юноши разсѣялись передъ дѣйствительностію: прибывъ въ Севастополь съ понятіями о войнѣ заимствованными изъ учебниковъ, онъ думалъ увидѣть здѣсь что-то стройное, красивое, эффектное, найти во всѣхъ полное героизма настроеніе. И вдругъ находить все въ совершенно иномъ видѣ: всѣ утомлены, никто уже не рвется въ дѣло, всюду смерть, кровь, разореніе; тутъ-то юноша почувствовалъ, какъ рѣзко онъ оторванъ отъ всего прошлаго и брошенъ въ невѣдомый ему, странный по своей обстановкѣ міръ. Всѣ его юношескія, радужныя мечты разомъ рушились; на сердце налегла невыносимая тяжесть.

Приписывая такое разочарованіе своей трусости, недостатку храбрости, бѣдный мальчишъ приходитъ въ совершенное отчаяніе; его мучитъ мысль, что онъ на столько низко, подлѣ, что боится умереть за отечество, за царя, о чемъ прежде мечталъ съ наслажденіемъ. Однако въ дѣйствительности онъ не трусь, потому что, какъ показали послѣдствія, умѣлъ исполнять свой долгъ какъ слѣдуетъ. Сначала теплая молитва, а на другой день дѣятельность скоро разогнали безпокоившія Козельцова чувства; получивъ назначеніе на Малаховъ Курганъ, онъ явился туда уже молодцомъ. Сознаніе, что исполняетъ свою обязанность, чувство командованія и присутствіе

двадцати человекъ команды, которые, онъ зналъ, съ любопытствомъ смотрятъ на него, все это не допускало въ юности даже мысли объ угрожающей ему опасности. Но дѣятельность его была непродолжительна: на другой же день послѣ назначенія его на батарею, французы штурмовали Малаховъ Курганъ и младшій Козельцовъ погибъ, какъ истинный артиллеристъ, на батареѣ, вождь орудій захваченныхъ непріателемъ.

Познакомить вполне съ рассказомъ „Севастополь въ августъ“, нѣтъ возможности при ограниченныхъ размѣрахъ журнальной статьи: въ этомъ рассказѣ такъ много хорошаго, что затрудняешься въ выборѣ тѣхъ мѣстъ, на которыя можно было бы указать преимущественно. Сколько поразительной картинности, сколько полноты чувства въ изображеніи оставленія нашими войсками южной стороны и перехода ихъ на сѣверную! Авторъ превосходно оцѣнилъ и мастерски выразилъ тѣ ощущенія, которыя волновали въ эту минуту каждого, отъ генерала до послѣдняго солдата. Полагаемъ, что вмѣсто всякихъ похвалъ таланту графа Толстаго, мы не можемъ лучше закончить нашу статью, какъ приведа цѣликомъ это въ высшей степени поэтическое и поразительно-вѣрное описаніе послѣдняго эпизода достопамятной обороны.

„Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливалось, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты, по мосту и на сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ,—отъ мѣста, всего облитаго его кровью, отъ мѣста, одиннадцать мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

„Непонятно тяжело было для каждого русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ преслѣдованія. Люди чувствовали себя беззащитными, какъ только оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились во мракѣ у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и деньщики съ клажею, которую не пропускали; шума колесами, прибывалась къ бухтѣ артилерія, торопившаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство само-

сохраненія и желанія выбраться какъ можно скорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти присутствовало въ душѣ каждаго. Это чувство было и у смертельно-раненаго солдата, лежащаго между пѣтьюстами такими же ранеными, на каменномъ полу Павловской набережной, и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу верхомъ пробѣгающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдата, и у матроса, попавшаго въ движущійся баталіонъ, до лишенія дыханія сдавленного колеблющейся толпой, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные смершимся народомъ, положили на землю у Николаевской батареи, и у артиллериста, шестнадцать лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощію товарищей, съ крутаго берега въ бухту, и у флотскихъ только-что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойно гребя на барисахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство: это было чувство, какъ-будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимой горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ.“

* * *

(Продолженіе будетъ.)